

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК И БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ В КИНОПОВЕСТИ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА «ЦЕЛУЮТСЯ ЗОРИ...»

Аннотация. Как в городском пространстве, так и в мире большой истории герои киноповести Белова делаются непохожими на самих себя. Всецело законопослушный и даже робкий в реальности, Егорович предстает в рассказанных им самим исторических анекдотах отчаянным бунтарем. Одним острым словцом он способен уничтожить авторитет власти. В водоворотах истории маленького человека ждет либо гибель (как мужа Настасьи, убитого в первые дни войны), либо утрата идентичности – своего рода символическое самоуничтожение.

Ключевые слова: киноповесть, сюжет, миф, деталь, нарратор, интертекст, художественное пространство, история.

Биографии трех главных героев киноповести «Целуются зори...» (1967 – 1973), по мнению Т. Н. Ворониной, «остаются “за кадром”» [4, с. 48]. Это не совсем так, фактов из прошлого героев действительно немного, но они чрезвычайно информативны. Наиболее насыщена яркими событиями жизнь старика Егоровича. Правда, он – не слишком надежный нарратор. «Из всех троих один Егорович мог прихвастнуть, это у него бывает», – предупреждает автор-рассказчик [1, с. 308].

В начальной сцене, выполняющей роль пролога, Егорович отсутствует. Его имя называет Лешка, предлагая автору занимательный сюжет: «Нет, нет, а ты вот про нас-то опиши! – Лешка стучит Николая Ивановича по спине. – Как мы в город-то с Егоровичем ездили» [1, с. 263]. Непосредственно перед этим Лешка почему-то задает какой-то вопрос о Шолохове, но при этом, что именно его интересует, не уточняется. «Когда фрагмент не может получить достаточно весомой мотивировки из логики повествования, – объясняет, что такое цитата, М. Ямпольский, – он <...> превращается в аномалию, которая для своей мотивировки вынуждает читателя искать иной логики, иного объяснения, чем то, что можно извлечь из самого текста. И поиск этой логики направляется вне текста, в интертекстуальное пространство» [8, с. 60]. Появление с не совсем понятной целью в киноповести фамилии Шолохов органично вписывается в концепцию известного теоретика литературы и кино. Дело в том, что беловский Егорович является, судя по всему, интертекстуальным двойником шолоховской персонажей – старика Ивана Авдеича Синилина по прозвищу Брех из «Тихого Дона» и деда Щукаря из «Поднятой целины».

Щукарь, помимо прочего, знаменит своими лингвистическими изысканиями. «Пропечатанные» в словаре «ядренными буквами» ученые слова он «одолеват без очков», а пояснение, напечатанное «мелкими буквами», разобрать не может. «Ну, многие слова я и без всяких прояснений понимаю, – утверждает он. – К примеру. Что означает “монополия”? Ясно дело – кабак. “Адаптер” – означает: пустяковый человек, вообще сволочь, и больше ничего. “Акварель” – это хорошая девка, так я соображаю, а “бордюр” –

вовсе даже наоборот, это не что иное, как гулящая баба» [7, т. 6, с. 226–227]. Эти рассуждения Щукаря предваряют его рассказ о поездке в станицу за очками. Очки он так и не купит, поскольку в поисках врача-окулиста попадет сначала в «родительский дом», а потом в венерическую больницу [7, т. 6, с. 227].

Егорович, который едет в город зубы вставлять, подобно деду Щукарю терпит неудачу. Он действительно оказывается в кабинете стоматолога А. Б. Фокельмана, но путает два иностранных слова и принимает дантиста за адвоката. Повествователь не видит в этом ничего странного: «В этих словах есть определенное созвучие, они чем-то и еще похожи друг на друга. Я и сам до сих пор путаю такие, например, слова, как флора и фауна. Что же спрашивать с Егоровича?» [1, с. 278].

При внешнем сходстве смысл эпизодов разный. Дед Щукарь нахватался «ученых слов» у Макара Нагульнова, который в ожидании мировой революции изучает по ночам английский язык. При всем комизме ситуации у героев Шолохова нет никаких сомнений, что «в Англии тоже будет Советская власть» [7, т. 5, с. 227]. Белова идеи коммунистического интернационализма, конечно же, не волнуют, для него важнее всего проблема сохранения чистоты русского языка. «Спасем язык – спасем и Россию», – призовет он в начале XXI века. Однако и в 1970-х годах вопросы языковой культуры были для него актуальны. В книге «Лад. Очерки народной эстетики» писатель подметил: «Иностранцами <...> непонятными для других названиями очень любят пользоваться убогие от природы, либо ленивые, либо в чем-то ущемленные труженики. Таким способом они как бы отделяются от других и самоутверждаются» [3, с. 54]. В киноповести «Целуются зори...» автор также фиксирует многочисленные приметы порчи родного языка, в том числе злоупотребление варваризмами.

С шолоховским Авдеичем-Брехом Егоровича роднит страсть к небылицам. Брех любит «рассказывать диковинные истории про службу свою при царском дворце и про свои необыкновеннейшие в Петербурге приключения» [7, т. 1, с. 135]. Самая курьезная из этих историй – о близком знакомстве Авдеича с царем: «Ночью призывает меня караульный офицер, прихожу... Да-а-а... “Иди, говорит, в покой ихнего инператорского величества, тебя... сам государь-инператор требует”» [7, т. 1, с. 136]. Кульминация устной «новеллы» – реплика разбуженного Авдеичем среди ночи царя: «Марья Федоровна, Марья Федоровна! Вставай скорей, ставь самовар, Иван Авдеич приехал!» [7, т. 1, с. 137].

Несмотря на очевидную безобидность старого чудика, большевики убивают его. Станичники недоумевают: «...а вот Авдеича Бреха, за что?» [7, т. 3, с. 153]. В ответ Штокман читает список арестованных, где напротив фамилии Синилина значится: «Пушал пропаганды, чтобы свергнули Советскую власть» [7, т. 3, с. 155]. У Михаила Кошевого, составившего список казаков, подлежащих аресту, были свои основания включить в него Авдеича. Он правильно почувствовал, что в курьезных выдумках Бреха есть глубокая историческая правда. Тот, для кого царь – «милостивец» [7, т. 3, с. 136], не может не быть врагом Советской власти.

Егорович дважды начинает воспоминания о Первой мировой войне, но его дважды прерывают, так и не дав приступить к главному. Случайным образом, незаслуженно попав на слет передовиков сельского хозяйства,

Егорович оказался самозванцем в квадрате. Свое выступление перед делегатами он начинает с истории, похожей на те, что рассказывал шолоховский Брех: « – Я, значит, еще когда служил в двадцать шестом отдельном артиллерийском, меня ценили. Один раз утром – шашть ординарец в казарму. Так и так, есть тут у вас такой ферверк Воробьев? “Так точно, – я говорю, – я самый”. – “Приказано, – говорит, – плепроводить ферверка товарища Воробьева к его превосходительству командующему всем фронтом”. Я, значит...» [1, с. 299]. Для чего главнокомандующий пригласил Егоровича, читатель так и не узнает. Председательствующий, разумеется, останавливает чересчур возгордившегося оратора.

На пароходе Егорович рассказывает о происшествии, ярко характеризующем положение в русской армии после Февральской революции: «Полковник был у нас по фамилии Фой, борода что помело, на две стороны. А мы уже к тому времени до того дожили, что нас и по утрам не будили. Вот приезжает полковник Фой, мы выстроились. “Здорово, братцы!” А мы все как воды в рот набрали. Он вторично: “Здорово, братцы!” Мы молчим. Он, значит, в третий раз здороваётся, а я кричу: “Господин Фой, отпусти нас на Пасху домой!” Вся рота как грохнет» [1, с. 272]. После чего, не выдержав унижения, полковник тут же на глазах у всех застрелился. Ничего невероятного в рассказе Егоровича нет. Многие русские офицеры, не сумев «пережить краха идеалов и крушения русской армии», кончали жизнь самоубийством – «только зарегистрированных случаев после февраля было более 800» [5, с. 102]. Тем не менее, попутчики не верят Егоровичу: «Ох, дедко, ты и врать!» И даже иронически предлагают: «Ну давай, дед, помянем твоего Фоя» [1, с. 272].

Немаловажен тот факт, что в романе-хронике «Кануны» (1972 – 1987) гораздо более надежный, чем Егорович, нарратор – кузнец Гаврило Насонов тоже рассказывает об издевательствах над офицерами и самоубийстве одного из них: «А в семнадцатом-то году, бывало всех взводных заставили гусиным шагом ходить, а ротный прибежал – того по-пластунски <...> Заплакал, револьвер вынул... Мы на него было, а он говорит: “Отойди! Пропала Россия”, да как хряснет сам-то себя, прямо в рот. Так и повалился, лежит, ноги раскинул» [2, с. 342]. Размышляя об услышанном, Никита Рогов подытоживает: «Такие вот Жучки и сгубили Расею-то, ничего им не надо, кроме своего запечка. И на церкву им наплевать, и на обчество, вот оно и достукались до тюки, ни в задь теперь, ни вперед. Гаврило с Данилом афицеров заставили гусиным шагом, афицеры амператора прозевали, а Жучок-то давно готов половицы из храма выломать да к себе в передок настлать, ему не до обчества» [2, с. 343]. Так из череды разрозненных мелких явлений складывается историческая закономерность.

Рассказ о самоубийстве полковника Фоя для Егоровича – только предисловие к основной части. «Я, значит, приезжаю в Питер, на Финский вокзал, – продолжает он. – На тунбах афишки висят – так и так, война до победы. Иду, значит, по площади, гляжу... броневик» [1, с. 272–273]. Но тут его окончательно прерывают: «Прошла?» – и далее разговор переключается на обсуждение водки и закуски.

Егорович просит полковника Фоя отпустить солдат домой на Пасху. Пасха в 1917 году пришлась на 2 (15) апреля. Как известно, 3 (16) апреля в Петроград на Финляндский вокзал прибыл вернувшийся из эмиграции

Ленин. «Это событие впоследствии стало ключевым для советской историографии. После смерти Ленина в 1924 г. в массовой культуре стал широко тиражироваться образ “вождя”, произносящего речь с броневика. Ленин на броневике стал одним из главных символов революции. Этот сюжет не раз повторялся в живописи, скульптуре, литературе, кинематографе <...> Воспоминания о торжественной встрече на Финляндском вокзале являются элементом складывающегося с середины 20-х гг. культа Ленина в СССР. Основной причиной, по которой мемуаристы возвращались к этому эпизоду, являлось ощущение сопричастности к великому событию, изменившему ход мировой истории» [6, с. 137, 152].

Нетрудно предположить, что Егорович собирался поведать о своем участии в легендарной встрече вождя. Броневик на площади Финляндского вокзала в первых числах апреля 1917 года – из этих частей паззла можно собрать только один сюжет. Верно заметил современный исследователь: «К 1960-м гг. очевидцы, мнимые или реальные, пересказывали один и тот же миф» [6, с. 152]. Неудивительно, что спутники Егоровича не захотели слушать очередную вариацию набившей оскомину истории. Да и самому Егоровичу, в конце концов, способ засолки рыжиков куда интереснее, чем судьбоносные для России события, в гуще которых он когда-то якобы оказался.

В рассказах Егоровича обращает на себя внимание протivoестественное соединение старого и нового, религиозного и светско-советского: «его превосходительство» соседствует с «товарищем», а политическая программа бунтарски настроенных солдат сводится к поездке домой на Пасху. Последняя деталь, пожалуй, лучше всего передает дух революционной эпохи. Показательно, что Военной организации при Петроградском комитете большевиков непросто было предоставить Ленину пресловутый броневик-трибуну. Согласно одной из версий, Н. И. Подвойский дал распоряжение солдату броневика дивизиона Г. В. Елину вывести машины к Финляндскому вокзалу. Усложнил задачу праздник: «На Пасху все солдаты мастерских броневика дивизиона разъехались по домам» [6, с. 143].

Герои Белова по инерции продолжают жить по церковному календарю: «на Казанскую», «на Пасху» [1, с. 266, 272]. Впрочем, они давно уже не вкладывают в эти понятия никакого сакрального смысла. Концептуальную роль приобретает в повести оппозиция «церковь / кладбище». Растеряв всех друзей, Николай Иванович решает отыскать хотя бы Настасью, для этого ему надо добраться до церкви. Оказалось однако, что никто из горожан не знает путь к храму, зато «кладбище знали почти все и точно указали дорогу» [1, с. 294].

На первой странице киноповести упомянута Библия. Лешка уверяет, что, если описать его жизнь, получится книга «не меньше Библии» [1, с. 262]. Библия в данном контексте – это всего лишь очень толстая книга, а вовсе не Священное Писание. Вполне закономерно, что венчает беловский текст реплика Николая Ивановича: «А бес с ним...» [1, с. 310].

Очутившись в городе, «Егорович, как и Николай Иванович, сразу стал непохож на того, каким был обычно в деревне» [1, с. 276]. Город превращает его из «степенного отца» в «пахана» [1, с. 267, 301]. В пространстве большой истории Егорович тоже делается непохожим на самого себя. «Ферверк Воробьев» разительно отличается от всегдашнего Егоровича. В обыденной

жизни его характеризует исключительная дисциплинированность. Услышав команду сержанта призывникам: «Отделение... Стой! Нале..фо! Равняйся! Смирно!» – «Егорович тоже встал по стойке “смирно”, одернул рубаху» [1, с. 297]. Всецело законопослушный и даже робкий в реальности, Егорович предстает в рассказанных им самим исторических анекдотах отчаянным бунтарем. Одним острым словом он способен уничтожить авторитет власти.

В водоворотах истории маленького человека ждет либо гибель (как мужа Настасьи, убитого в первые дни войны), либо утрата идентичности – своего рода символическое самоуничтожение.

Литература

1. Белов, В. И. Целуются зори... Киноповесть // Белов, В. И. Собр. соч.: в 5-ти томах. – Т. 1. – М.: Современник, 1991. – С. 261–310.
2. Белов, В. И. Кануны. Роман-хроника конца 20-х годов // Белов, В. И. Собр. соч.: в 5-ти томах. – Т. 3. – М.: Современник, 1993. – 448 с.
3. Белов, В. И. Лад. Очерки народной эстетики. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 512 с.
4. Воронина, Т. Н. Особенности изображения города и деревни в киноповести В. И. Белова «Целуются зори» // Вестник Череповецкого гос. университета. – 2015. – № 3. – С. 46-49.
5. Кантор, Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. – М.: Изд. дом «Огонек»; «Время», 2005. – 576 с.
6. Тарасов, К.А. Встреча В. И. Ульянова (Ленина) 3 апреля 1917 г. на Финляндском вокзале в воспоминаниях // Петербургский исторический журнал. – 2014. – № 1. – С. 137–153.
7. Шолохов, М. А. Собр. соч.: в 8-ми томах. – М.: Худож. литература, 1985–1986.
8. Ямпольский, М. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. – М.: РИК «Культура», 1993. – 464 с.